

СВИДЕТЕЛИ ПРОШЛОГО ИЛИ АЛКОГОЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

*Пусть ветер памяти несет воспоминанья
По старой улице, среди глухих дворов,
Где было все – и встречи, и прощанья,
И взглядов блеск, и нежность тихих слов.
Но время беспощадное сурово –
Сегодня улица пустынна и нема.
Лишь дремлют вдоль нее свидетели былого –
Под тяжестью прошлого согбенные дома.*

Надпись на фотографии

В один из погожих летних дней 2012 года, проходя мимо здания Самарского НИИСХ или попросту - опытной станции, я решил зайти в библиотеку. В жаркую летнюю пору зал библиотеки влечет к себе потенциального читателя не только перспективой ознакомления с содержанием какой-либо книги или газеты, но и возможностью укрыться от уличного зноя. И вот, оказавшись в этом благодатном месте и попросив у библиотекаря один из альбомов со старыми фотографиями, я всецело предался их просмотру. Глядя на немного пожелтевшие снимки и прикасаясь к ним руками, я отдыхал, что называется, душой и телом. Не скажу, что мне довелось видеть эти фотографии впервые – вся богатая фотоподборка, хранящаяся в библиотеке, уже была мной обозрена ранее, но весь парадокс состоял в том, что с каждым новым ее просмотром, я не переставал обнаруживать на снимках какие-то новые, не замеченные ранее, детали. Вот и сейчас, глядя на фотографию одноэтажного кирпичного здания, рядом с которым имелся вход в подвал, я обратил внимание на подпись, которая гласила: «1900 г. Бывший винный погреб. В настоящее время - картофелехранилище и столярная мастерская». Судя по всему, фотография эта была сделана в 1970-е годы. Стало очевидно, что просматривая данное фото ранее, я совершенно проигнорировал подпись, а зря. Мысленно ругая себя за невнимательность, я обратился к библиотекарю О.В. Бондаренко с вопросом об этом самом винном погребе. Как оказалось, Ольга Валентиновна видела упоминание о нем в отчетах о работе опытной станции, имеющих в библиотеке, и датированных началом XX века. Просматривать отчеты в тот день у меня не было времени, но я решил непременно вернуться к этому вопросу в ближайшее время. Что же касается самого кирпичного здания, запечатленного на фотографии, то оно было мне хорошо знакомо с самого детства уже потому, что располагалось на южной окраине площадки «Вторчермета», которая пользовалась у нас - мальчишек конца 70-х особой популярностью, не только наличием на ней всяких интересных вещей, но и возможностью «задать стрекача», услышав грозный окрик сторожа. Помнил я и про столярную мастерскую, которая располагалась в восточной стороне этой постройки. Но вот про «винный погреб» и про почтенный возраст этого строения, как говорится – «ни сном, ни духом».

Вечером того же дня, движимый детскими воспоминаниями и простым любопытством, я отправился посмотреть на то самое здание, а заодно и выяснить для чего оно используется в настоящее время. Первыми передо мной предстали густые заросли кустов, через которые даже краснокирпичные стены строения просматривались весьма

смутно. Дверь столярного цеха была заперта, оконные стекла выбиты, а в помещении валялся всякий хлам. Было ясно – мастерской тут нет уже давно. На входе в подвал висел большой замок. Испытав некоторое разочарование, я готов был уже удалиться восвояси, но тут заметил на одном из кирпичей какой-то штамп, который при ближайшем рассмотрении оказался клеймом производителя – «З ИвЪЛетягина въ Самаре съ 1879». Аналогичные клейма отыскивались и на многих других кирпичях, входящих в состав стеной кладки. Вот это было уже кое-что! «По клеймам, можно запросто установить не только производителя, но и период производства кирпича, а соответственно и приблизительную дату постройки здания, и если эта дата окажется близка к 1900 году, то подпись под фотографией не лжет» - примерно так я рассуждал, идя домой и торопясь побыстрее оказаться возле компьютера, дабы на просторах Интернета начать искать нужную мне информацию. Несколько часов поиска не прошли даром и вскоре мне стали известны подробности жизни и деятельности самарского промышленника И.П. Летягина.

Кирпичная империя Ивана Летягина

В конце XIX века имя купца Ивана Петровича Летягина гремело по всей Самарской губернии. Он имел три кирпичных завода в Запанском районе Самары. С ним заключал договоры на строительство Жигулевского завода А.Ф. фон Вакано. Только с ним стремился иметь дело Торговый дом Д.Е.Чельшева. Известные самарские краеведы Андрей и Ирина Демидовы писали: «Даже придирчивый домовладелец Дмитрий Ермилович Чельшев предпочитал иметь дело с Летягиным, говоря: «Летягин – это фирма. Его кирпич можно и в окно бросить на тротуар, он не расколется, и в воде держать – веса не наберет. Классная работа». Именно из этого кирпича Чельшев построил свой первый доходный дом на Саратовской улице (ул. Фрунзе, 56)». Из него же строились и многие частные дома старой Самары. Летягинский кирпич так же весьма охотно покупали состоятельные жители окрестных сел. Однако производство семейство Летягиных вело по старинке, качественно, но дорогостояще. А кирпича в то время требовалось с каждым годом все больше и больше. Стали внедряться новые технологические процессы, использовались гофманские печи, пробивал себе дорогу дешевый белый силикатный кирпич. В условиях непрерывно возрастающей конкуренции доходность заводов Летягина неуклонно снижалась. Иван Петрович очень остро переживал медленную гибель своей кирпичной империи. После очередной неудачи с ним случился «удар». Дело пришлось

принять вдове Марии Ильиничне Летягиной. Вместе с заводами к ней пришли, к сожалению, и мужнины долги. Ни один год старалась М.И. Летягина наладить производство и поправить финансовые дела семьи, но в 1909 году имущество пошло «с молотка», а сама вдова доживала последние годы в подсобке когда-то ей же принадлежавшей лесопилки. Такая вот невеселая история.

Читая про летягинский кирпич, я думал о том, что он действительно был отменного качества, раз Иван Петрович смело ставил на своей продукции фамильное клеймо. А судя по нему кирпич, из которого построено здание «винного погреба» изготовлен на третьем заводе Летягина. Получалось, что заинтересовавшее меня здание вполне могло быть построено в 1900 году, а значит и подпись под фотографией верна. Что же касается принадлежности данного строения, то по моему уразумению, владеть им могло только частное лицо, так как вряд ли какой государственный чиновник потратил бы казенные денежки на дорогостоящий кирпич ручной работы. Эти выводы казались мне тогда вполне очевидными, а потому я даже не допускал и мысли о возможной ошибке. Что ж, это был первый урок, который чуть позже преподала мне моя самоуверенность.

Вопросы, вопросы...

Между тем наступила зима, и я начал активно готовить материал для написания давно задуманного цикла краеведческих рассказов. Но, как это часто бывает, при кажущемся изначально изобилии информации, в процессе ее упорядочивания возникли невесть откуда взявшиеся «бреши». Поняв, что с моим литературным замыслом придется повременить, я решил продолжить сбор материала, для чего вновь отправился в библиотеку опытной станции. Там я занялся просмотром различных изданий, в которых могли содержаться интересующие меня сведения. В процессе этого занятия мне в руки попала подборка документов под общим названием «Безенчукская сельскохозяйственная опытная станция», составленная Крюковым Н.А. в 1903 году. В данной подборке оказался план территории опытной станции, на котором, кроме ее самой, схематически была показана и ж/д станция Безенчук и территория казенного винного склада. Причем, месторасположение последней полностью совпадало с тем местом, где находился «винный погреб». Будучи сильно озадачен данным обстоятельством, я предположил, что в плане имеется ошибка и начал искать этому подтверждение. Однако меня ожидал очередной «сюрприз». В отчете о работе Опытной станции за 1911 год говорилось о том, что интересующее меня здание действительно относилось к бывшему казенному винному складу. Мало того, как оказалось, к данному складу относилось еще с десятков построек, расположенных рядом с ним.

Выйдя из библиотеки, я немедленно направился в сторону так заинтересовавшего меня объекта. Едва оказавшись рядом с нужным местом, я понял, что допустил досадную оплошность: осматривая летом кирпичное здание «винного погреба», совершенно не обратил внимания на соседствующие с ним деревянные строения, почему-то приняв их за более поздние сооружения. Теперь, владея информацией, обнаруженной в библиотеке, я глядел на эти постройки уже совершенно другими глазами. Отныне они были для меня не

просто старыми, почерневшими от времени, домами, а безмолвными свидетелями безенчукского прошлого.

С этого дня я стал часто посещать библиотеку. Часами сидя в читальном зале, я просматривал соответствующую литературу, документы и газетные подшивки, отыскивая в них упоминания о безенчукском винном складе. Странно, но информация, добытая в библиотеке, поставила передо мной больше вопросов, чем дала ответов. И вопросов этих появилось так много, что пришлось выделить из них три основных, оставив остальные на «потом». Во-первых, нужно было выяснить дату и причину постройки казенного винного склада именно возле станции Безенчук. Во-вторых, предстояло определить дату и причину закрытия склада. Ну, и в-третьих, был все же непонятен мотив закупки для строительства дорогого летягинского кирпича. Итак, вопросы-то были поставлены, но еще предстояло найти на них ответы, что уже сразу представлялось делом непростым и весьма затратным в плане времени. Все источники информации, которые смогла предоставить библиотека опытной станции, были к тому времени мной уже достаточно изучены, и стало очевидно, что поиск придется продолжить в архиве, и хорошо, если только в одном. Впрочем, все же была небольшая надежда на то, что упоминание о казенных винных складах удастся обнаружить на каких-нибудь Интернет-ресурсах. Этим видом поиска я и решил заняться, поскольку совершать поездки в архивы у меня в то время не было возможности.

И вот в один из долгих зимних вечеров я, удобно устроившись в кресле, «терзал» Интернет-поиск различными запросами, пытаюсь добраться до нужной информации. Однако всемирная «паутина» никак не желала расставаться со своими тайнами, и все время «отсылала» меня к материалам по государственной питейной реформе, конца XIX века. Начав читать одну из внушительных по объему публикаций на эту тему, я узнал, что данная реформа была связана с введением государственной монополии на производство и продажу водки. «Водка и вино – это же совершенно разные продукты» - подумал я тогда, решив, что информация об этой реформе для меня совершенно бесполезна. И... снова ошибся! А спасла меня в этой ситуации привычка все дочитывать до конца, которая буквально заставила глаза «бежать» по строчкам все дальше и дальше...

Государственная питейная реформа

Питейная монополия, начавшаяся в период активного экономического роста России и просуществовавшая до Первой мировой войны, была неразрывно связана с именем Сергея Юльевича Витте. Видный государственный деятель России, инициатор ряда прогрессивных реформ конца XIX - начала XX века - главное действующее лицо в разработке и развертывании по всей стране питейной реформы.

Становление питейной монополии проходило в период пребывания С.Ю. Витте на посту министра финансов (1892-1903). Сама идея данной реформы, по словам самого Витте, принадлежит Александру III. Как только Витте вступил в управление министерством финансов, государь захотел поручить ему исполнение реформы питейного дела, так как его «крайне мучает и смущает то, что русский народ так пропивается и что необходимо принять какие-нибудь решительные меры против этого пьянства». После долгих разговоров с Витте Александр III пришел к заключению, что полумерами сделать в

этом вопросе ничего нельзя, и потому он решил ввести питейную монополию. В конце концов, была задумана такая реформа, которая по своему объему и новизне была совершенно необычайной, не имеющей аналогов в практике других стран.

С.Ю. Витте пишет в воспоминаниях: "Основная мысль питейной монополии заключается в том, что никто не может продавать вино, иначе как государство, и производство вина должно быть ограничено теми размерами, в каких сие вино покупает государство, а, следовательно, и удовлетворять тем условиям, какие государство ставит как откупщик". Реформа имела несколько целей. Во-первых, фискальную - добиться увеличения доходов казны, во-вторых - улучшение качества крепких напитков, и в-третьих - повышение культуры их потребления.

Существующая до винной монополии акцизная система позволяла производство "высших питей", то есть алкогольных напитков с повышенным содержанием спирта, всем, у кого для этого были деньги и желание. Водка для России - продукт массовый, поэтому успех был у той фирмы, которая имела низкую себестоимость своей продукции. Качество же этой продукции, напрямую зависящее от себестоимости, практически у всех российских фирм было очень низким. Такое заключение сделал в 1894 году Комитет по изучению качества "высших питей" во главе с видным русским ученым Д.И. Менделеевым.

Для эффективного государственного контроля за качеством должен был существовать водочный стандарт. Было предложено использовать водно-спиртовую смесь, содержащую 40 весовых частей этилового спирта, пропущенную через угольный фильтр и содержащую минимальные концентрации сивушных масел. Причем спирт должен готовиться обязательно из ржаного солода. Для производства водки было рекомендовано использовать спирт в 60-80°, разводя его водой до крепости водки. Вода должна быть очень мягкой, не содержащей много солей и "живой", т.е. не кипяченой. В итоге эталонная водка была представлена как прозрачная бесцветная жидкость с легким характерным мягким спиртовым ароматом и вкусом. Таким образом, современное понятие русской водки как прозрачного водного раствора спирта с "характерным водочным запахом и водочным вкусом" корнями не опускается глубже государственной питейной монополии 1895 года.

Винокурение при монополии по-прежнему осталось за частными лицами. Спирт-сырец приобретался у местных винокуренных заводчиков по фиксированным ценам, ежегодно устанавливаемым министром финансов. Очистку спирта, а равно выделку водочных изделий производили на казенных или на частных (арендованных) заводах по заказам казны. Ректификованный спирт, поступающий в казну, подлежал еще и холодной очистке через уголь в очистных складах, где производили также разведение, розлив, укупорку и рассылку спирта в оптовые склады и винные лавки. Продажа спирта, вина и водочных изделий составляла исключительное право казны и производилась из принадлежащих казне заведений. Частная торговля вином, спиртом и водочными изделиями допускалась только в заведениях трактирного промысла. Продажа спиртных напитков на розлив была строго запрещена. Распивать вино можно было только в заведениях трактирного типа, при этом продавец должен был подавать запечатанную сургучом бутылку. Именно последнее послужило причиной разнообразия водочной тары

в 1/200 (61,6 мл), 1/100, 1/40, 1/20, 1/10, 1/4 (3,08 л) ведра. Этикетки на бутылки печатались в Санкт-Петербурге и подлежали строгому учету. Надпись на этикетках гласила – «Хлебное вино» или «Казенное вино». Слово «водка» в названии продукта не фигурировало.

Начиналась питейная монополия постепенно. Сначала она была введена с 1 января 1895 года (законом от 6 июня 1894 года) в четырех губерниях: Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской. В этот период С.Ю. Витте не только подробно изучал отчеты губернских управлений казенной продажи питей, собирал статистические данные и писал циркуляры, а и посетил ряд губерний для личного ознакомления с ходом реализации реформы.

К 1902 году питейная монополия распространилась практически на всю Европейскую Россию и основные западносибирские губернии. К этому времени по типовым чертежам Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей были построено значительное количество спиртоочистительных заводов, очистительных и оптовых винных складов. Доходы казны стали значительно увеличиваться. Когда же летом 1914 года началась Первая мировая война, правительством был введен запрет на продажу алкогольных напитков. Весь спирт пошел на нужды обороны. Так закончилась государственная винная монополия, просуществовавшая в стране почти 20 лет.

Все дороги ведут в... архив

Узнав подробности проведения в России питейной реформы, я стал смотреть на вопрос о происхождении безенчукского винного склада под совершенно иным «углом» зрения. Было уже очевидно, что склад этот появился возле станции Безенчук именно в рамках данной реформы, на что указывало большое количество строений различного назначения, к нему относящихся. Так же стало ясно и то, что на данном объекте трудился целый штат сотрудников, судя по количеству жилых помещений. А значит, на складе не просто хранился спирт или вино (водка), а проводились еще какие-то операции: например разлив и укупорка.

Идею о том, что здесь могла производиться ректификация спирта, я «отмел» сразу, т.к. для этого процесса требовалось оборудование, разместить которое в известном одноэтажном кирпичном здании было бы просто невозможно. Не зря же здания винных складов с ректификационными отделениями имели высоту не менее трех этажей. Это хорошо видно на фотографиях подобных строений во многих городах России, в том числе и в Самаре.

Впрочем, все могло оказаться и гораздо проще – склад мог служить просто перевалочным пунктом на пути спирта – сырца, например в Самаре. Действительно, могли же бочки со спиртом везти подводами с частного винокуренного завода, расположенного где-нибудь в округе, на станцию Безенчук, чтобы потом, погрузив их в железнодорожные вагоны, доставить на Самарский винный склад, где было ректификационное отделение. И хотя версия эта представлялась мне сомнительной, поскольку не имелось информации о нахождении в ближайших окрестностях винокуренного завода, сбрасывать ее со счета пока не стоило.

В общем, всякого рода догадок у меня имелось немало, но я отлично понимал, что строить на их основе сколь-либо серьезную версию - бессмысленно. Нужно было продолжать поиск материала, в качестве которого лучше всего выглядели бы архивные документы. Мысли о необходимости начать поездки в Самарский областной архив овладевали мной все чаще, и вот, почти год спустя, я взял на работе отпуск, имея твердое намерение посвятить большую его часть работе с архивными документами. Как я и предполагал, все оказалось совсем не просто, так как в архиве имеется огромное количество фондов, и найти в этой массе документов нужные, было нелегко. На это требовалось время. Однако я не отчаивался и продолжал упорно ездить в архив, где страницу за страницей просматривал все новые и новые материалы, в которых надеялся отыскать нужные мне сведения. Наконец, упорство было вознаграждено и у меня в руках оказались выписки из дел Самаро-Уральского губернского акцизного управления, содержащие сведения о постройке и работе винного склада при станции Безенчук. Теперь, владея столь обширной информацией, можно было попытаться воссоздать историю безенчукского винного склада с достаточно высокой достоверностью. Думаю, что все происходило примерно так, как описано ниже.

Безенчукский винный склад

Подготовка к проведению в России питейной реформы началась еще в 1893 году. Так как сначала планировалось ввести государственную монополию на продажу крепких спиртных напитков только в четырех губерниях, в том числе и в Самарской, то в них и началась наиболее интенсивная подготовка к ней: изыскание возможностей и условий для строительства казенных винных складов, определения поставщиков спирта – сырца, открытия винных лавок и т.д. Повторюсь, что винные склады делились по назначению на очистные и оптовые. На первых должна была производиться очистка спирта-сырца и доведение его до нужного «градуса», а так же приготовление вина, его разлив, укупорка, и непродолжительное хранение. Вторые предназначались для более длительного хранения готовой продукции. Очистку спирта планировалось производить последовательно в две стадии: первая – «горячая» методом ректификации, а вторая – «холодная» методом фильтрации. Однако, «горячая» очистка проходила по времени гораздо быстрее, чем «холодная», что могло привести к затовариванию склада спиртом – ректификатом и существенно затянуть весь процесс производства вина. Во избежание этого было решено строить очистные склады двух типов – с ректификационными отделениями и без таковых. Это позволяло переправлять излишки ректифицированного спирта на фильтрационные склады для последующей «холодной» очистки, приготовления вина и его укупорки. В подобном рассредоточении складов был и еще один плюс - так легче было доставлять готовую продукцию в большое количество винных лавок, расположенных в различных населенных пунктах.

Совершенно очевидно, что строить очистные и оптовые склады было целесообразно вблизи железнодорожных станций, что значительно упрощало транспортировку сырья и готовой продукции. Руководствуясь именно такими соображениями, Управление акцизных сборов запланировало строительство казенного винного склада с ректификационным отделением в Самаре, совсем рядом с железнодорожным вокзалом. Ныне это предприятие известно нам как Самарский

ликероводочный завод. Однако почему же для строительства очистного склада фильтрационного типа выбор чиновников Самарского акцизного управления пал именно на станцию Безенчук? Думается, что их привлекло не что иное, как наличие на станции артезианской скважины. Поэтому в сентябре 1893 г. старший ревизор Самарского акцизного управления В.К. Фойгт пишет письмо на имя Управляющего Самаро – Златоустовской железной дорогой И.В. Дестюд-де-Блане, в котором просит дать разрешение строить «казенные ректификационные заводы и очистительные склады» по возможности ближе к железнодорожным станциям для избегания лишних расходов, а так же позволить пользоваться водой из железнодорожных водопроводов. К письму приложен список станций Самаро – Златоустовской ж. д., при которых предполагается строить заводы и склады. Имеется в этом списке и станция Безенчук. Управляющий железной дорогой дает разрешение, как на строительство вышеуказанных объектов, так и на пользование «железнодорожной» водой при ее достаточном количестве. А если вспомнить еще и указание Министра финансов относительно применения не только чистой, но еще и «живой» воды, то становится понятным интерес ответственных чиновников к уже оборудованным артезианским скважинам. Можно было бы, конечно, устроить подобную скважину и непосредственно на территории винного склада, но это - дополнительные затраты казенных средств, да и предварительные изыскания нужно провести, что подразумевает еще и затраты времени. В общем, получить доступ к уже существующим скважинам было куда как выгоднее.

Итак, к началу 1894 года место для склада было определено, проект подготовлен, организационные вопросы улажены, и следовало поторопиться с закупкой строительных материалов, т.к. времени до начала предполагаемой реформы (1 января 1895г.) оставалось совсем немного – меньше года. А материалов для строительства требовалось немало – это строительный лес, кирпич, скобяные изделия, цемент и многое другое. Да изакупить все это нужно было по «божеским» ценам. И вот тут, как нельзя кстати, в Акцизное управление приходит письмо самарской мещанки М.И. Рыбаковой с предложением купить у нее кирпич в количестве, достаточном для постройки винного склада. Мало того, кирпич оказался очень хорошего качества, и везти его нужно было не из Самары, а из села Екатериновки, которое значительно ближе к станции Безенчук. В результате переговоров с Рыбаковой, кирпич был у нее приобретен на выгодных для казны условиях. Именно так прославленный летягинский кирпич оказался в составе кладки стен казенного винного склада на маленькой железнодорожной станции.

Видимо чиновникам Акцизного управления все же удалось ввести объект в эксплуатацию в установленные сроки, так как, судя по отчетным ведомостям, Безенчукский винный склад начал выдавать готовую продукцию уже с начала 1895 года. Таким образом, стало вполне очевидно, что подпись под фотографией винного склада, хранящейся в библиотеке опытной станции, не верна – здание было построено не в 1900 году, а пятью годами ранее. Складу был присвоен номер – 2, в то время как Самарский винный склад значился под номером 1.

Что же представлял собой комплекс Безенчукского казенного винного склада? Это был участок земли, размером 172 x 86 м, окопанный канавой и огороженный деревянным забором, на котором располагались следующие постройки:

1. Каменная кладовая с подвалом.
2. Винный подвал.
3. Деревянный двухэтажный жилой дом.
4. Ледник.
5. Бондарка.
6. Сарай для посуды.
7. Казарма.
8. Конюшня о 8-ми стойлах.
9. Каретный сарай.
10. Ламповая.
11. Колодец.

Очевидно, от стационарной водокачки к территории склада был проложен водопровод, о чем свидетельствуют оставшиеся после его закрытия чугунные трубы. А наличие газовых труб наводит на мысль о том, что территория склада и производственные помещения освещались газовыми светильниками.

Ректифицированный спирт привозился в вагонах-цистернах из Самары на станцию Безенчук, где переливался в бочки, установленные на подводы, и перевозился непосредственно на склад. Подкатить цистерну прямо к складу не было возможности ввиду отсутствия подъездного ж/д пути. Привезенный спирт пропускался через угольные фильтры, представлявшие собой емкости с древесным углем, после чего «рассиропливался» (разбавлялся) водой до нужной крепости. Думается, что вода тоже проходила предварительную подготовку на предмет уменьшения содержания солей. Учитывая отсутствие каких-либо упоминаний о наличии при складе печи для сжигания древесины, можно предположить, что уголь для фильтров завозился уже в готовом виде.

Приготовленная водно-спиртовая смесь разливалась в посуду различной емкости с помощью мерных воронок. Посуда герметично закрывалась пробками и запечатывалась сургучом. После наклеивания этикеток, бутылки с вином помещались в ящики и отправлялись в подвальное помещение, служившее складом готовой продукции. Подвал использовался для этой цели не случайно – бутылки с вином нужно было хранить в прохладном помещении, чтобы избежать потери «градуса», т.е. частичного испарения спирта. Хранением и учетом готовой продукции, а так же ее выдачей для развоза по винным лавкам заведовал специально назначенный работник – подвальный.

Ящики с вином развозились по казенным винным лавкам, а так же по трактирам. В каких окрестных деревнях и селах находились подобные заведения, мне выяснить не удалось. Известно лишь, что Безенчукский склад поставлял продукцию в 32 винные лавки. Видимо, порожнюю посуду принимали обратно на склад, т.к. в документах имеются сведения о ее обороте.

Количество продукции, производимой Безенчукским винным складом, увеличивалось с каждым годом. Если в 1895 году количество проданного вина и спирта (в пересчете на 40° вино) составило 28861 ведро, то уже в 1897 году этот показатель ожидался на уровне 32000 ведер. В последний (1901) полный год работы склада уровень продажи составил 32839 ведер. Повышались и денежные суммы, вырученные от продажи.

Для сравнения: в 1895 году было продано продукции на сумму 172690 р. 67 к., а в 1901 году – на сумму 252170 р. 84 к. И это при общей стоимости (по сведениям на 1.01.1902г.) всего движимого и недвижимого имущества склада в 52589 р. 91 к. Ничего не скажешь – весьма рентабельное предприятие!

Администрация и служащие склада проживали на его же территории в двухэтажном четырехквартирном жилом доме, а рабочие – в одноэтажном деревянном здании барачного типа, именуемом казармой. Складом бесменно заведовал Стерелюкин, а конторщиками в разные годы были Красноложкин и Рябинин.

Точная дата закрытия склада не установлена. Судя по документам, произошло это в период с апреля по июнь 1902 года, и учитывая отсутствие в них даже намек на обстоятельства прекращения работы склада, можно предположить, что данное решение было принято руководством Самарского акцизного управления достаточно внезапно. Сейчас можно лишь догадываться о причинах подобной торопливости: это могло быть и указание «сверху», и внезапно возникшие технические проблемы (например, с забором воды). В общем, так или иначе, Безенчукский винный склад прекратил свою работу и был закрыт. Значительная часть оборудования была вывезена, а то небольшое, что осталось было продано на торгах 5 сентября 1903 года, ввиду передачи усадьбы и построек склада в распоряжение Самарской уездной земской управы, планировавшей использовать их для учебной ремесленной мастерской.

Какие обстоятельства не позволили Уездному земству реализовать свои планы – неизвестно, но мастерская открыта так и не была, а постройки бывшего винного склада простояли в полнейшем запустении вплоть до лета 1912 года, когда были переданы Безенчукской удельной опытной станции под машиноиспытательный отдел. Можно сказать без преувеличения, что благодаря именно этому событию, многие из них «дожили» до наших дней.

Машиноиспытательный отдел и электростанция

Решение о передаче было принято Уездным земским собранием еще 1-го июля 1911 года, но бюрократические «проволочки» затянули этот процесс почти на год. Н.М. Тулайков, работавший в то время директором Безенчукской опытной станции, писал о том, что часть построек бывшего склада вполне соответствовала нуждам вновь открываемого отдела, остальные были лишними, а некоторые нужно было строить заново. Каменная кладовая должна была стать главным зданием машиноиспытательного отдела, в двухэтажном жилом доме планировалось поселить руководителей отдела и инженерных работников, а бондарку было решено отремонтировать под квартиры приказчика и старших рабочих.

Машиноиспытательный отдел. 1920-е гг.

В том же 1912 году руководство опытной станции приняло решение об оборудовании электростанции для устройства электрического освещения своихзданий и территории. Для этого в московском отделении немецкой фирмы «Сименс и Гальске» был заказан соответствующий проект, согласно которому на электростанции предполагалось установить динамомашину «Сименс», мощностью 15 л.с. Приводить ее в действие должен был специальный двигатель английской фирмы «Горнсби», мощностью 25 л.с., работающий на чистой нефти. Кроме динамомшины, предполагалось использовать аккумуляторную батарею, емкостью 145А·ч. Разместить все эти устройства планировалось в здании бывшей каменной кладовой винного склада. Проектом предусматривалась подача электроэнергии не только в служебные помещения опытной станции, но и в жилые дома ее работников.

Был ли данный проект реализован в полном объеме – достоверных сведений у меня нет. Известно лишь, что электростанция в здании бывшей кладовой действительно была оборудована, и действовала вплоть до начала 1930-х годов. Об английском двигателе «Горнсби» в архивных документах позднее 1913 года так же не имеется никаких упоминаний. Последнее обстоятельство даже вызвало у меня чувство некоторой досады – уж очень хотелось узнать о судьбе этого уникального устройства. Впрочем, вместо него, в качестве привода динамомшины, «трудился» на электростанции другой, не менее интересный агрегат – локомотив.

Локомотив представлял собой передвижной паровой двигатель, предназначенный для привода в действие сельскохозяйственных машин и механизмов. Построен он был в городе Людиново Калужской области на известном в то время предприятии – «Обществе Мальцовских заводов», и приобретен для Безенчукской опытной станции в 1911 году. Судя по документам станции, локомотив длительное время использовался как привод для паровой молотилки конструкции Юбера, а с начала 1920-х годов – в качестве двигателя для динамомшины электростанции. Наверно жители окрестных домов часто наблюдали какстоящий на улице рядом со зданием электростанции локомотив, напоминающий небольшой паровоз, выпускает из своей трубы клубы дыма, а быстро вращающееся приводное колесо заставляет двигаться широкий длинный ремень,

соединяющий его с динамомашинной прямо через дверной проем. В 1932 году было принято решение передать локомобиль на строящийся завод биокомбикормов, где он, вероятно и дожил свой «век».

Электростанция. 1930-е гг.

Кроме электростанции, в здании кладовой располагались слесарная мастерская и машиноиспытательная лаборатория. В подвальном помещении было устроено овощехранилище, просуществовавшее вплоть до начала 2000-х годов.

Свидетели прошлого

Сегодня оставшиеся постройки бывшего Безенчукского винного склада находятся, что называется, в «плачевном» состоянии. Стены бывшей кладовой сохранились весьма неплохо, благодаря лютягинскому кирпичу и добросовестности строителей, а вот перекрытия и кровля, несмотря на неоднократный ремонт, частично обвалились. Сейчас это здание, видимо, никем не используется и даже картофель в его подвале не хранят уже несколько лет. В отличие от каменного здания, деревянные постройки активно эксплуатируются до сих пор, как жилые помещения. Однако, по словам людей, в них проживающих, дома эти тоже едва «дышат». После разрушения, в апреле 2010 года, железнодорожной водокачки, а затем и всеисторических зданий пристанционного поселка, эти постройки являются немногимисохранившимися строениями Безенчука, сооруженными еще в XIXвеке. Они «видели» проносящиеся мимо паровозы, которые везли солдат на фронты Первой мировой войны, и «слышали» залпы чехословацких орудий, будто бы возвещавших о начале другой войны – гражданской. Сотрясал их стук колес эшелонов Великой Отечественной, и гул моторов немецкого самолета... Горько осознавать, что пройдет еще совсем немного времени, и эти здания так же пойдут под снос, а вместе с ними исчезнет еще одна вещественная часть безенчукской истории, свидетелями которой они являются. Невольно вспоминается философскоеизречение – «Ничто не вечно под Луной», но веселее почему-то не становится.

Петр Ожигов

26.10.2014г.